

А.П. Марюхин

Институт языкознания РАН, Москва

**Явления непрямой коммуникации в современных языках
(русском, английском, немецком)***

Аннотация: Статья посвящена своеобразному и все более актуальному явлению – непрямой коммуникации, неявному говорению, речевому отгораживанию или hedging (Hecke), а также способам представления этих феноменов в современных языках Европы. Исходя из того, что данные явления трактуются достаточно широко, мы попытаемся осветить наиболее важные моменты, выявив сходства и различия речевого отгораживания в разных языках.

What we hope to have accomplished with the introductory discussion is to show the importance of the phenomenon that we call indirect communication, double meaning or hedging for different areas of language use. We readily admit the difficulty connected with these concepts. We determine that their use originates in logic and semantics, but has lately been developed further in pragmatics and discourse analysis so far that it now extends to areas like metacommunication and to communication strategies like mitigation and politeness. The article also demonstrates the various perspectives – some more theoretical, some more practical – from which hedging, indirect communication, double meaning can be considered, thus suggesting directions for future research.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, коммуникативная функция, дискурс, логический анализ языка.

Процесс, о котором мы собираемся говорить, трудно обозначить каким-либо общепринятым лингвистическим термином. Трудно даже отнести его к какой-либо одной сфере языка – синтаксису, семантике или прагматике. Ясно только, что он относится к языку вообще. Но и тут, по-видимому, возможен спор между языкознанием и социологией.

В свое время академик Н.Ю. Шведова, едва ли не больше других внесшая вклад в эту проблему, не хотела даже использовать ни один принятый в грамматиках термин: «В строе разговорной речи выделяется целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и модальное значение осложнено значениями характера протекания во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и др. Все это дает право, – помня, конечно, о существенных различиях этих двух синтаксических единиц, – обозначать такие сказуемые и основы предложения одним общим термином – “построение” или “конструкция”» [Шведова, 1960, с. 15].

За истекшие почти 50 лет перечень открываемых в этой сфере явлений необычайно расширился. Слишком узким оказался и сам термин «строй разговорной речи». Теперь доминирует понятие «коммуникация», и, в соответствии с этим, главной функцией языка все чаще называется коммуникативная функция.

---

* Работа над статьей выполнена при поддержке гранта Федерального агентства по науке и инновациям № НШ-6469.2008.6 «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах».

Да и она, собственно говоря, понимается теперь как состоящая из целого списка «коммуникативных функций»: от газеты до романа [Силантьев, 2006] и от скандала до выдвижения на премию. И это еще далеко не все, что делается в этой сфере. Сравним, хотя бы, наиболее «свежий» материал – «Программу тридцать девятых Виноградовских чтений (Москва, 2008), среди докладов которой «Текст и дискурс как слова обыденного языка и как термины» (В.З. Демьянков); «Дискурс как высшая реальность языка» (Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова) и др.

Человечество на протяжении тысячелетий использовало и использует язык в качестве инструмента речевого общения. Но иногда человек, пытаясь обособиться, отгородиться от прямого изложения фактов действительности, прибегает к такому говорению, которое понятно однозначно лишь ему одному. Таким образом, мы констатируем наличие в коммуникации понятий общения и разобщения, которые коррелируют друг с другом, расширяя, тем самым, коммуникативное пространство. Речевое отгораживание не есть замкнутая система с определенным набором стилистических приемов, наоборот, эта система открыта, подвижна, дополняема, вмещающая в себя все поле речевого дискурса и трансформируя его в элементы незаконченных, до конца не осознанных суждений.

Коммуникация может быть как полной, так и незавершенной. Под незавершенной коммуникацией нами понимаются здесь не такие лингвистические процессы, как скажем, «внезапная немота», «бегство, исчезновение коммуниканта», а такие, где высказывание построено как раз полно в звуковом и текстуальном отношении, но неполно либо по степени достоверности, событийности, либо находит несоответствие грамматических форм при передаче чужой речи. Само общение, как мы знаем, бывает вербальным и невербальным. Последний вид общения не может считаться однозначным, так как невербальные средства мы относим к паралингвистическим факторам, т.е. к таким явлениям, которые лишь дополняют общение.

Для нас важен тот факт, что независимо от того, используем ли мы невербальные средства в общении или нет, коммуникация может быть как полной, так и незавершенной.

В обследованных нами материалах отчетливо профилируются два этапа: историко-лингвистический и теоретико-лингвистический. Под древним процессом следует понимать, прежде всего, явление косвенной речи в древних индоевропейских языках, особенно в языках широко изученных и обладающих развитой системой средств: латинское *oratio obliqua* со «школьно известным» *accusativus cum infinitivo* и сопоставимые древнегреческие и др.

В современных языках культуры эта система утрачивается. Сравним в современном русском языке прямую речь: Я говорю: «Брат пишет письмо»; и непрямую речь: «Я говорю, что брат пишет письмо»; в латинском же языке (фрагмент цельной древней системы) имеем: прямая речь – «*Frater epistulam scribit*» и косвенная – «*Dico fratrem epistulam scribere*».

Ярким живым примером может служить современный литовский язык, где исторически унаследованная система непрямого речи дополнена тончайшими морфологическими и семантическими нюансами и разветвлениями, напр., *Jis sake visada tuo keliu važiuodavęs*. Он говорил, что всегда ездил по той дороге (букв., «всегда ездивший»). Это так называемые «изъяснительные причастия» (формы непрямого речи), выражающие содержание глаголов речи физического или умственного восприятия, – эквивалент придаточного сложноподчиненного предложения «говорил, что...» [Грамматика литовского языка, 1985, с. 314].

Градация высказывания наблюдается также и при отрицании. Особенности использования отрицаний восходят еще к древности и прослеживаются в их четкой дифференциации. Этот факт имеет место, прежде всего, в латинском языке. Так, для выражения отрицательного приказания, первая форма императива почти не употребляется с отрицанием *ne*. Вместо этого используются обороты: *noli*,

nolite с инфинитивом (не желай); *perfectum* или *praesens conjunctivi* с *ne*; *cave* с *conjunctivus* (остерегайся, как бы не...); *vide ne* с *conjunctivus* (смотри, чтобы не...); *nolim* с *conjunctivus* (я не хотел бы, чтобы...); а вот *futurum I* употребляется с отрицанием *non*.

Из современных языков, обладающих развитой системой передачи мысли, следует назвать грузинский. Остановимся, как и следовало ожидать, на различных видах отрицания при глаголе. Обычно используется отрицание *ar*, например, *ar mova* – не придет. Параллельно существует и отрицание *ver*, придающее высказыванию тончайший смысловой оттенок: *ver mova* – не сможет прийти. На этом возможность дальнейшей дифференциации не исчерпывается. Так, формы страдательно-желательного будущего времени имеют отрицание *ar*: *ar gavaketot!* Не сделаем! *ar daceros!* Не напишет! Для форм же изъявительного наклонения настоящего и будущего времени имеем отрицание *ni*, выражающее характер менее категоричного запрещения, соответствуя приблизительно русск. «не делал бы ты», «да не сделаем»: *ni davcert!* Не напишем! *ni avušenebt!* Не будем строить ему! *ni vberdebit!* Да не состаримся! *ni gaaketebts!* Пусть не делает ему!

Для представителей многих культур и, в особенности, британской наиболее характерны иносказание (*circumlocution*), парафраза, расплывчатые смыслы (*ambiguity*), двусмысленность (*double meaning*), уклончивые речи (*double talk*), эвфемизация, сдержанная оценка, недосказанность и недоговоренность (*understatement*), а также их более узкая разновидность – мейосис, ирония, сарказм.

Уже на первом этапе анализа грамматик это становится очевидным. Рассмотрим для примера градацию отрицания в английском языке.

В связи с вопросом об оттенках смысла, передаваемых конструкциями с двойным отрицанием, интересно провести анализ выражений, встречающихся в известной статье Д. Болинджера [Bolinger, 1983]. Этот американский лингвист, с одной стороны, в качестве иллюстративного материала использует значительное количество выражений типа *a not erroneous/ incorrect assessment*, *a not superlative achievement*, *a not presumptuous request*, *a not excruciating failure* и т.п., поскольку именно конструкции такого рода составляют материал, по поводу которого разворачивается полемика, а с другой, включает их в свою собственную речь, т.е. собственно текст статьи, например: *their attempt... makes the not uncommon mistake...* Прилагательное должно иметь смысл, допускающий градуирование (*grading*), иначе говоря, это должно быть качественное прилагательное: *a not reprehensible desire* (непредосудительное желание); *a not preposterous assumption* (не совсем бессмысленное предположение / предположение, не так уж и противоречащее здравому смыслу) и др.

Итак, можно сказать, что некоторые типы двойных отрицаний могут добавлять в высказывание важные оттенки значения. Двойное отрицание позволяет «градуировать» смысл высказываний, которые не вполне отчетливо укладываются в утвердительные либо отрицательные.

* * *

Немецкий язык располагает термином «Hecke, Heckenausdruck («hedging»)» и относит его к области семантики и лексикографии. «Hedging», таким образом, можно рассматривать в первую очередь как текстуальный феномен, но не характеризующий текст, ибо текст не содержит «hedging» сам по себе, но реализует это явление в результате замысла автора. Поэтому многие слова и фразы выглядят как «пустые фильтры» или «дыры». Эта способность «hedging» предоставляет возможность для видоизменения текста в том отношении, что слушатель или читатель теряется в догадках, кто же ответствен за степень достоверности высказывания.

Если исходить из этой функциональной стратегии, то получится, что явлением «hedging» можно обозначить огромное количество лингвистических выражений. Немецкий лингвист С. Дариан выделяет следующие части речи, входящие в состав «hedging»: существительные (the view that); модальные глаголы (it may contribute to...); глаголы (we infer); наречия (presumable); прилагательные (current opinion favors...); функциональные существительные (some feel that...); и даже артикли (one solution is...) [Darian, 1995, p. 83–108].

В соответствии с этим должно быть подчеркнуто, что не все лингвистические выражения сводятся непосредственно к «hedging», но могут приобретать это качество в зависимости от сопутствующего контекста. Таким образом, невозможно составить четкий список выражений для явления «hedging». И все же мы попытаемся представить некоторые выражения, не претендуя на полноту охвата всевозможных конструкций:

а) знание и вера: believe, think, realize, understand, guess; denken, glauben, verstehen, vermuten, annehmen;

б) степень уверенности, сомнения: allegedly, arguably, appear, apparently, assume, assumption, (un)likely, maybe, obviously, perhaps, possibly, presumably, probably, probable, suggest, suspect; angeblich, fraglich, annehmen, Annahme, vermuten, vermutlich, (un)wahrscheinlich, voraussichtlich, vielleicht, offensichtlich (abschwachend), möglich(erweise), scheinen, anscheinend, vorschlagen, hindeuten auf, schließen lassen auf; im Prinzip wahr;

в) предположительная необходимость: must have, must be, ought to have, should; muß/mußte haben/sein, sollte sein;

г) предположение субъективного прогноза: expect, project, foresee, erwarten;

д) запланированная неясность посредством выражений качества и количества: about, around, approximately, almost, in some cases, few, fewer than, nearly, often, many, more/less than; ungefähr, in etwa, circa, einige, mehr / weniger als;

е) отношение говорящего к сказанному (пропозиции): surprising(ly), regrettably, luckily,

admittedly, (un)fortunately, I am afraid, I'd rather, I hope, suitable/suitably, good, significant, important, surprised, in my opinion, in my view; überraschenderweise, glücklicherweise, wichtig, bedeutsam;

ж) модальные частицы: nur, ja, denn, doch, eigentlich; only, ever, well.

Обратим внимание на то, что выражения *jemand, etwas, irgendwann, einmal, irgendwo, irgendwie, irgendein Mann*, точно так же, как и «*Ходят тут всякие*», и т.д., не есть «hedging», так как эти слова и высказывания являются *первично неопределенными*. А выражения типа *der und der, da und da, die und die, das und das* относятся к *вторично неопределенным* и, следовательно, могут рассматриваться нами как «hedging». Но и это возможно лишь в редуцированной речи, т.е. речи воспроизводимой. Нельзя сказать *Der Zug kommt dann und dann* или *Das und das mag ich nicht*, но можно *Ich erinnere mich, dass Karl sagte: "Der Zug kommt dann und dann"* [Харвег, 1978, с. 388–402].

Таким образом, преимущество функционального определения «hedging» в том, что оно делает возможным выразить отношение к важному аспекту коммуникативного поведения.

В результате того, что «hedging» не только представляет понятия «расплывчатыми», но и само в себе содержит неясность [Clemen, 1997, p. 235–248], можно выявить следующие его характеристики:

1) неопределенность – добавление неясности простым словам или частям текста;

2) определенность – возможность избежать прямого суждения, используя местоимение «мы» или слово «автор»;

3) субъективный характер – использование сочетаний «I think, suppose» и т.д., чтобы подчеркнуть, что высказывание носит личностный характер и поэтому необязательно правда;

4) сигнализирует об отношении говорящего к пропозиции.

Последний момент концепта «hedging» был существенно расширен, когда обнаружилось, что «hedging» есть индикатор степени достоверности *всей* пропозиции, а не только отдельной ее части. «Hedging» может, таким образом, восприниматься как некий «оператор», который присоединяется к пропозиции, в которой он изменяет или весь ряд предикации, или один из ее компонентов.

Теоретико-лингвистический аспект, как и следовало ожидать, оказался связанным, прежде всего, с новейшей литературой как источником языковых средств. Ограничимся одним примером. Великий теоретик театра Б. Брехт говорит, что одним из самых трудных для постановщика явлений оказывается такое, когда нужно выделить не содержание (смысл, семантику) говоримого, а сам *факт иного говорения*, напр., «он сказал не то-то, а то-то».

Стоит отметить, что исследовательским центром для нас, как и для многих исследованных нами авторов, стал не буквальный отказ от коммуникации, а несколько иное, хотя и близко родственное членение – «градуальная, неявная, непрякая коммуникация». Следовательно, понятие «разобщения» фиксируется нами как факт «иного» говорения, существующего параллельно акту полной коммуникации, а не абстрагировавшийся от нее. И мы вправе утверждать, что непрякая коммуникация занимает одно из центральных мест в лингвистике текста, речевом дискурсе и логическом анализе языка.

Литература

- Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М., 2006.
Харвег Р. Редуцированная речь. М., 1978.
Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
Bolinger D.L. A Not Impartial Review of a Not Unimpeachable Theory: Some New Adventures of Ungrammaticality. Washington, 1983.
Clemen G. The Concept of Hedging-Origins, Approaches and Definitions. Berlin, 1997.
Crystal D. Who Cares about English Usage? London, 1984.
Darian S. Hypotheses in Introductory Science Texts. Berlin, 1995.